№ 47—1916

ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ

Цѣна 15 коп.

Въ ТЕАТРѢ.

МИЛЛІОНЕРША.—Посмотри Поль, какъ на насъ уставился господинъ въ партерѣ, мнѣ онъ нравится, познакомимся съ нимъ и пригласимъ къ намъ въ ложу!

МИЛЛІОНЕРЪ.—Ну, знаешь, онъ пожалуй самъ насъ пригласитъ въ... сыскное... это—агентъ!

СТРѢЛЫ.

НЕЙТРАЛКА.—Не поможетъ! Вамъ по обыкновенію придется скушать «горькую пилюлю».

— И такъ, я единственная женщина, которую ты любишь?

— При твоихъ претензіяхъ, дорогая, я не въ силахъ завести другую!

— Только она одна можетъ сдѣлать изъ меня порядочнаго человѣка!

— Мнѣ кажется, что ты сильно преувеличиваешь ея могущество!

ОНА.—Развестись—это не трудно! Но развѣ ты въ первый же вечеръ послѣ развода не влѣзешь ко мнѣ въ окно?

ОНЪ.—Влѣзу, но только для того, чтобы посмотрѣть: не измѣнился-ли твой характеръ къ лучшему.

— УСЛОВІЯ — ПОДПИСКИ

съ достав. и пересылкой по всей Россіи:

На годъ 5 руб. Разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му Марта 2 р. и къ 1-му Мая 1 р. на 1 мѣс. 40 к. За границу 7 руб. За перемѣну адреса 75 коп.

ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ

ТАКСА на — ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За строку полпареля въ одинъ столбецъ (четверть ширины страницы):

впереди текста 2 руб.

позади текста 80 коп.

Постоян. заказы — по соглашенію

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ═══ ГОДЪ ИЗДАНІЯ 11-й.

Главная контора: Петроградъ, 7-я Рождественская ул., 30.

№ 46—1916 г. □ □ Открыта подписка на 1917 годъ. □ □ Ноябрь.

Между двумя партіями винта.

Петроградская новелла.

Иванъ только что подалъ послѣобѣденный кофе. Княгиня граціозно положила серебряными щипцами сахаръ, а князь досталъ сигару и со спичкою въ рукахъ обратился къ женѣ:

— Можно закурить?

— Какой галантный мужъ,—улыбаясь, сказала княгиня.—Послѣ пяти лѣтъ брака спрашиваетъ позволеніе закурить.

— Развѣ я когда-нибудь былъ негалантнымъ?— отвѣчаетъ мужъ.

— А вотъ я попробую, такъ-же ты будешь галантнымъ, когда я обращусь къ тебѣ съ просьбой.

— Попробуй.

— А что, если мнѣ понадобятся деньги —дашь ли ты мнѣ ихъ, не спрашивая зачѣмъ онѣ мнѣ нужны?—спросила жена.

Мужъ спряталъ сигару, вынулъ папироску и, не торопясь, закурилъ ее. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ проговорилъ:

— Погода, кажется, хорошая; не прокатиться ли намъ?

— Не въ погодѣ дѣло, а ты мнѣ дай пятьсотъ рублей,—настоятельно заявила жена.

— Ты въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ берешь ужъ деньги въ третій разъ!—сугубо-печально замѣтилъ князь.

— Что же дѣлать! Нынче моды стали такія дорогія.

Князь вынулъ бумажникъ и досталъ пять сторублевыхъ бумажекъ, которыя положилъ передъ собою на столъ. Складывая бумажникъ, онъ не замѣтилъ, что горящій табакъ изъ его папиросы упалъ прямо на бумажки и прожегъ ихъ.

— Какой ты неосторожный!—тревожно проговорила жена.—Кажется, прогорѣли нумера. Ужъ возьмутъ-ли ихъ?

— Конечно, возьмутъ! Вотъ курьезно-то прогорѣли на трехъ бумажкахъ нули!—смѣясь, сказалъ князь, подавая женѣ деньги.

На другой день вечеромъ князь сидѣлъ и винтилъ.

— Малый шлемъ безъ козырей!—объявилъ князь.

— Господи! Какъ вамъ везетъ,—замѣтилъ игравшій съ нимъ полковникъ.

— Да, за послѣднее время мнѣ везетъ!—отвѣчалъ князь.

— А вчера вы, вѣрно, не играли?—спросилъ его другой партнеръ.

— Не игралъ.

— Я такъ и думалъ, потому что часовъ въ одиннадцать я проходилъ мимо вашего дома, и изъ вашего подъѣзда вышелъ графъ Пшюттовъ. Вы за послѣднее время, кажется, часто съ нимъ видаетесь?

— Вчера вечеромъ?—съ удивленіемъ переспросилъ князь.

— Этотъ графъ такой непріятный господинъ,—замѣтилъ полковникъ.

— Вчера вечеромъ,—повторилъ князь.—И какой-же я разсѣянный! Ну, конечно, вчера вечеромъ онъ былъ у насъ, только винта не составилось.

— Вотъ легокъ-то на поминѣ!—тихо проговорилъ полковникъ, отвѣчая на поклонъ графа.

— Кажется, у васъ кончилась партія?—любезно проговорилъ графъ, сильно напоминавшій своей наружностью Альфонса: — въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ, князь, на пару словъ.

— Надѣюсь, что вы честная дѣвушка, Маша!

— Не сумлѣвайтесь барыня!

— Въ такомъ случаѣ, осторожно вытащите у барина изъ письменнаго стола пачку вотъ такихъ же писемъ, перевязанныхъ розовой ленточкой!

— О, повѣрьте, у Ольги Андреевны хватитъ ума на двоихъ!

— Она была бы прекрасной партіей для васъ, Анатолій Аркадьевичъ!..

ГАДАЛКА.—Я вижу впереди для васъ много крестовъ.

МАРОДЕРЪ.—Такъ-съ! Значитъ въ «Кресты» попаду, а я думалъ, что въ «Литовскій замокъ».

Князь всталъ и отошелъ съ графомъ къ камину.

— Позвольте мнѣ вручить вамъ, князь,—началъ графъ:—мой карточный долгъ. Кажется,—триста рублей?

Князь кивнулъ. Графъ вынулъ щегольской бумажникъ и досталъ небольшую пачку сторублевыхъ бумажекъ, изъ которыхъ отдѣлилъ три и подалъ ихъ своему кредитору.

— Позвольте васъ поблагодарить за кредитъ,—сказалъ графъ, направляясь къ двери.

— Ахъ!

— Что съ вами, князь?

Князь смотрѣлъ на бумажки и былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

— Что съ вами, князь? Не принести ли вамъ воды?..

— Благодарю васъ. Не трудитесь.

Онъ совершенно оправился и даже улыбался.

— Я не совсѣмъ здоровъ,—сказалъ онъ.—И всякій пустякъ разстраиваетъ меня, какъ разстроили, напримѣръ, эти бумажки... Видите въ нихъ прожженное мѣсто?.. Это прожжено папироской, и огонь попалъ какъ разъ на нули; вы не находите это страннымъ, графъ? Что съ вами, графъ? Не принести ли вамъ воды?

Слова князя произвели глубокое впечатлѣніе на графа.

— Какъ странно!—пробормоталъ онъ.—Я не обратилъ на это никакого вниманія...

Князь иронически засмѣялся

Л. П.

Бывшій—и настоящій.

(Съ французскаго).

Ежедневно, между 6 и 7 часами вечера, г. Перротэнъ, возвращаясь домой, садился въ трамвай на площади Клише.

Въ этотъ вечеръ г. Перротэнъ только что успѣлъ поставить ногу на первую ступеньку, какъ поскользнулся, благодаря брошенной кѣмъ-то апельсинной коркѣ... Онъ непремѣнно упалъ бы и разбился, если бы его не поддержала сострадательная рука г. Траке, который стоялъ на площади и созерцалъ статую. Онъ быстро протянулъ руку, схватилъ г. Перротэнъ за воротникъ пальто и поставилъ его на землю.

Все это было дѣломъ одной минуты, и г. Траке оказалъ немаловажную услугу своему ближнему.

— Ахъ, благодарю васъ, сударь, безъ васъ мнѣ пришлось бы плохо! Эта гадкая корка!

Г. Перротэнъ шатался, какъ пьяный, отряхиваясь и оправляясь.

— Вамъ нужно отдохнуть и оправиться!—замѣтилъ г. Траке.

— Да, да,—согласился г. Перротэнъ,—пойдемте въ кафе!

Г. Траке взялъ подъ руку спасеннаго, оба отправились въ кафе и усѣлись за столикомъ на террасѣ. Началась бесѣда. Оказалось, что оба питаютъ отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ...

— Будущее принадлежитъ трез-

вымъ націямъ!—воскликнулъ г. Перротэнъ.

— Да, да, возьмите японцевъ!—подтвердилъ г. Траке.

— Впрочемъ, знаете, просидѣвъ цѣлый день въ конторѣ, не мѣшаетъ пропустить рюмочку чего-нибудь легкаго!

— Разумѣется!

Оба собесѣдника почувствовали себя друзьями.

Какъ люди благовоспитанные, они обмѣнялись визитными карточками.

Г. Траке, взглянувъ на визитную карточку г. Перротэнъ, раскрылъ ротъ, поднялъ брови, выражая на лицѣ глубочайшее удивленіе.

Г. Перротэнъ! — пробормоталъ онъ.—Перротэнъ! Васъ такъ зовутъ? Не вы ли были женаты на Селинѣ Марнулье, урожденной де ля Фертъ?

Наступила очередь удивляться г. Перротэнъ.

— Я самый, собственной особой! Къ счастью, я развелся съ Селиной Марнулье де ля Фертъ!..—отвѣтилъ онъ.

— А я имѣю честь быть ея вторымъ мужемъ!—отрѣзалъ г. Траке.

— Вы? вы?

— Да-съ я, лично! Я—законный мужъ и повелитель Селины Марнулье!

Наступило молчаніе. Мужчины посмотрѣли другъ на друга. Г. Перротэнъ тяжело вздохнулъ.

— Ахъ, вы, бѣдняга!—произнесъ онъ.—Хорошее наслѣдство я вамъ оставилъ!

— Вовсе нѣтъ!—возразилъ г. Траке. — Увѣряю васъ, Селина — женщина...

— Лживая, кокетливая, болтливая, легкомысленная!..

— Скромная, ласковая, экономная!..

— Полноте! Ничѣмъ недовольная, ревнивая, эгоистка, властолюбивая деспотка...

— Неправда! Веселая, какъ птичка, всѣмъ довольная, очень развитая, съ либеральными взглядами, добрая!—отрапортовалъ г. Траке.

— Но, между нами говоря, ея небольшія физическія достоинства не выкупаютъ ея ужаснаго характера! Подумайте, станъ у нея не отличается стройностью, шея коротка, волосы какого-то неопредѣленнаго цвѣта, ротъ слишкомъ великъ, носъ... О носѣ не стоитъ и говорить! Кромѣ этого, у нея замѣтна наклонность къ полнотѣ.

— Вы думаете?—возразилъ г. Траке, чело котораго омрачилось.—Однако у Селины великолѣпные волосы, прелестные зубы. А цвѣтъ лица? Какая удивительная свѣжесть! Руки ея, несмотря на хозяйственныя работы, очень красивы и аристократичны! А ноги! Одна прелесть! Въ концѣ концовъ, какъ замѣтилъ одинъ артистъ, мой пріятель, она не угловата... Округлость и красота формъ!

Г. Перротэнъ низко опустилъ голову.

— Вы, господа, увѣряете, что изъ любви ко мнѣ способны наложить на себя руки...

— Мы способны на большее: каждый изъ насъ поочередно предлагалъ вамъ свою руку! Мало того, мы для васъ достанемъ вино, сахаръ, мясо, муку и дрова!

АФРИКАНЕЦЪ.—Этими германскими головами очень удобно играть въ кегли!..

— Вы меня просто удивляете!—пробормоталъ онъ.

Обоими овладѣло смущеніе... Обоимъ было неловко. Опустивъ глаза, они сидѣли молча, погруженные въ думы. Одинъ вспоминалъ прошлое, другой обдумывалъ настоящее и заглядывалъ съ будущее... У одного въ сердце заползало позднее сожалѣніе, другого терзало сомнѣніе... Одна и та же фраза была на ихъ устахъ, одинъ вопросъ мучилъ ихъ, но они молчали и думали...

— Напрасно я развелся съ Селиной,—думалъ г. Перротэнъ,—она принесла бы мнѣ счастье!

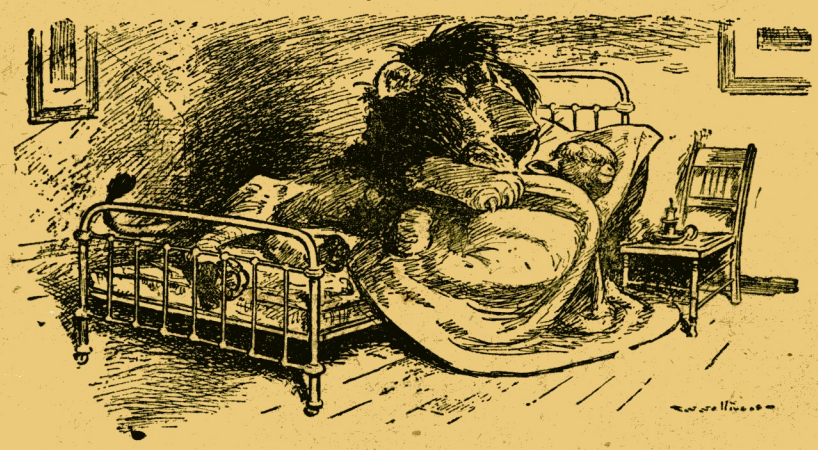
— Зачѣмъ я болванъ женился?—думалъ г. Траке.—Несчастный я человѣкъ! Эта женщина принесетъ мнѣ несчастье!

Наконецъ они крикнули гарсона.

— Позвольте мнѣ заплатить!—сказалъ г. Траке.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ!—замѣтилъ г. Перротэнъ.

Кончилось тѣмъ, что каждый изъ нихъ заплатилъ свою долю. Потомъ оба встали, обмѣнялись корректнымъ поклономъ и разошлись съ тоской на сердцѣ, проклиная несчастный случай, который ихъ свелъ!



ЛЬВИЦА (львенку).—Если бы я только знала, кто твой отецъ — я бы этому негодяю, который честныхъ дѣвушекъ подводитъ, всю бы гриву повыдрала!

Маленькая ошибка.

(Разсказъ)

Нина Юрьевна, молоденькая, 22хъ лѣтняя женушка присяжнаго повѣреннаго Оправдательнаго, сидѣла въ своей комфортабельной гостиной и, склонивъ бѣлокурую, курчавую головку, прилежно вышивала шелками. Нина Юрьевна скучала и дулась. Милый Сержъ, этотъ образецъ предупредительности и угодливости до свадьбы, положительно, по-ло-жительно охладѣлъ, разлюбилъ свою Ниночку. Правда, у нея нѣтъ уликъ, нѣтъ даже подозрѣній, даже „maman" ни разу ни шепнула ей что-нибудь этакого «эхиднаго», — но, все, таки, она *чувствуетъ*. Размышленія ея прервалъ лакей, съ телеграммою на подносѣ.

— Телеграмма къ вамъ, сударыня, по городской почтѣ.

— Мнѣ? — переспросила Нина Юрьевна съ испугомъ,—отъ кого мнѣ можетъ быть телеграмма?!

Ниночка торопливо схватила телеграмму, взглянула на подпись — и поблѣднѣла. Отъ Сергѣя!!

Черезъ минуту бѣдная женщина горько плакала.

— Бросилъ! Не прошло и года послѣ свадьбы, а онъ бросилъ ее! Господи, да за что-же, за что? Ахъ maman была права, говоря, что онъ никогда ее не любилъ!

Роковая телеграмма лежала на полу...

«Прости и не сердись,—значилось въ ней,—обстоятельства заставляютъ бросить все — и ѣхать въ Кубань. Когда вернусь—не знаю. Лучше не жди Сергѣй».

Въ Кубань! Гдѣ это? Въ Италіи кажется? или нѣтъ,—въ Тиролѣ... а можетъ быть въ Америкѣ! Господи, какія это обстоятельства!!? Какія... Извѣстно брюнетка, съ которою онъ тогда раскланялся на Морской и сказалъ, съ хитрою улыбкою, что это его кліентка... Гнусная интригантка!!

Что дѣлать?

Нина Юрьевна быстро ходила изъ угла въ уголъ по мягкому ковру гостиной и дополняла свои монологи приличествующими случаю жестами. Пюпси, миніатюрная болонка, уже давно визжала подъ диваномъ, съ отдавленною лапой,— двѣ фигуры изъ терракоты умножились на десять разныхъ кусковъ, батистовый платокъ валялся съ оторваннымъ кружевомъ, а японская чашечка съ недопитымъ кофе лежала въ осколкахъ на неоконченной работѣ шелками.

Докторъ и паціентъ или модное въ Петроградѣ, очень дорогое, леченіе коньякомъ.

Видимо пронеслась буря.

— Дура я! Чего я плачу!? Нѣтъ, постойте, Сергѣй Ипполитовичъ, постойте! Вы думали убить меня своей измѣной, думали заставить страдать, да терзаться, нѣтъ-съ, погодите, я не такая женщина! maman постоянно говорила, что у васъ постоянно въ жилахъ течетъ кровь гетмановъ... постойте, я вамъ нагетманю! Да, да,—самое лучшее,— плата тою же монетою!

Планъ былъ готовъ, жестокій, ужасный...

— Попроси ко мнѣ Всеволода Николаевича,—отдала приказъ Ниночка явившемуся на зовъ слугѣ,—да пусть придетъ сейчасъ-же! Сію минуту!

Всеволодъ Николаевичъ Савицкій, помощникъ ея мужа, «неотразимый брюнетъ» только что оставившій университетскую скамью, принадлежалъ къ породѣ «бѣложилетниковъ» и относительно женскаго пола—былъ большой свинтусъ. Нерѣдко Нина Юрьевна замѣчала на себѣ его взглядъ, объяснявшій многое. Савицкій жилъ съ Оправдательнымъ на одной лѣстницѣ, этажемъ выше и не замедлилъ явиться.

— Что такое экстренное приключилось, милая барынька?!—началъ онъ было, входя, и остановился... при видѣ милаго заплаканнаго личика и слѣдовъ нѣкоего землетрясенія въ гостиной.

— Кто эта мерзкая кліентка съ змѣиными глазами у васъ и Сергѣя?—встрѣтила его, не давая одуматься, Нина Юрьевна.

— Мерзкая кліентка? какая? У насъ много есть мерзкихъ кліентокъ. О какой именно желаете вы почерпнуть свѣдѣнія?

— Ну, эта высокая, черномазая, съ этакимъ носомъ, глаза круглы, какъ плошки,—вотъ какіе.

Ниночка преуморительно постаралась изобразить глаза плошками, сбирая для этого носикъ на нитку.

— Такъ-съ. Есть такая: княгиня Чарчумадзе... по бракоразводному дѣлу хлопочетъ... Но позвольте, какое отношеніе...

— Молчите! Отвѣчайте: гдѣ Кубань? въ Тиролѣ?

— Зачѣмъ въ Тиролѣ... совсѣмъ даже напротивъ... На берегу Чернаго моря, тамъ... за Кавказомъ...

— За Кавказомъ? Такъ я и знала! Отлично! Кавказская княгиня—

ну и понятно! Княгиня!.. Зачѣмъ туда поѣхалъ Сергѣй Ипполитовичъ?

— Сергѣй? Низачѣмъ не поѣхалъ, и ѣхать ему незачѣмъ... Откуда вы это почерпнули?

Вмѣсто отвѣта Нина Юрьевна порывисто подала ему скомканную телеграмму. Савицкій прочелъ и остолбенѣлъ.

— Что сей сонъ значитъ? Въ Кубань. Да вѣдь никакихъ и дѣлъ-то въ Екатеринодарѣ быть не можетъ!

— Всеволодъ Николаевичъ, — вдругъ спросила молодая женщина— нравлюсь я вамъ?

Всеволоду Николаевичу уже такъ на роду было, вѣроятно, написано въ этотъ день столбенѣть.

— Нина Юрьевна, очаровательная какая вы сегодня, порывистая! Такой вопросъ... ребромъ... право, какъ могу я...

— Безъ всякихъ вашихъ адвокатскихъ увертокъ... Да или нѣтъ! Нравлюсь или нѣтъ?

— Ахъ, Богъ ты мой! Да, конечно, безъ сомнѣнія нравитесь... И давно уже... но мой долгъ, какъ другъ вашего мужа...

— Ну ужъ, этотъ долгъ приберегите теперь для княгини его пучеглазой. Хорошо-съ. Итакъ, если нравлюсь,—вы должны ѣхать со мной обѣдать въ ресторанъ.

— Нина Юрьевна, повинуюсь,— но помилосердуйте. Вѣдь теперь еще двухъ часовъ нѣтъ, кто же теперь обѣдать ѣдетъ? Да насъ лягушки засмѣютъ.

— Все равно! Везите меня обѣдать... а то я еще раздумаю... Везите въ этотъ... какъ онъ... вашъ адвокатскій ресторанъ... Будемъ обѣдать въ общей залѣ, пусть всѣ видятъ... Ахъ, ни слова, я такъ хочу! Даша, шляпу и самымъ большимъ колесомъ.

Ниночка исчезла за портьерою, оставивъ Всеволода Николаевича снова съ разинутымъ ртомъ.

Долго ходилъ онъ задумчиво по гостиной и только что-то шепталъ и улыбался.

— Ну что-же! Fatalité!—разсмѣялся онъ наконецъ.—Фактъ существуетъ—будемъ его брать какъ есть... а силлогизмъ... fichtre!—ну, силлогизмъ, кажется, будетъ рогатый!

Около 11 часовъ вечера Сергѣй Ипполитовичъ Оправдательный подкатилъ къ своему подъѣзду на Фурштадтской и, съ довольной миной вбѣжавъ по лѣстницѣ, позвонилъ у двери.

— Барыня въ гостиной?—спросилъ онъ лакея, сбрасывая пальто.

— Никакъ нѣтъ-съ. Барыни дома нѣтъ. Уѣхали онѣ...

— Экая досада! хотѣлось бы поскорѣе ее обрадовать... Вѣрно къ матушкѣ своей опять отправилась. Дѣлать нечего, подождемъ. Семенъ, дай-ка мнѣ чего-нибудь, что отъ обѣда осталось, голоденъ я, какъ собака, ничего не ѣлъ.

— Кушать сегодня не готовлено, барыня приказала...

— Вотъ-те на! Ну, подай что тамъ есть: сыру, сардинъ, страсбургскаго пирога, что-ли... да бутылку Nuit... тащи все въ кабинетъ.

Черезъ четверть часа Сергѣй Ипполитовичъ потягивалъ букетистое вино, попыхивалъ ароматною гаванною и благодушествовалъ.

НАШИ ШАРЖИ.

Г-жа Плевицкая.

— Эхъ, не кстати Нина уѣхала... право! Хотѣлось-бы поскорѣе поглядѣть на ея радостную рожицу...—думалъ онъ.—Вѣдь совсѣмъ она не ожидаетъ этого... И, какъ нарочно, никогда она такъ подолгу у maman не засиживалась! Семенъ!

Явился Семенъ.

— Что, барыня не сказывала, куда она поѣхала?

— Никакъ нѣтъ-съ. Онѣ,—началъ Семенъ таинственно и торжествующе ехидно,—какъ бумажку вашу получили, изволили очень разгнѣваться, предметы разбили, Тюньсеньку ударили, а потомъ плакали-съ. Послали за Всеволодомъ Николаевичемъ и уѣхали. На извозчикѣ, вмѣстѣ.

Сергѣй Ипполитовичъ задумался. Что это значитъ? Не понимаю! Уѣхала съ Всеволодомъ на извозчикѣ... и предметы разбила—вспомнилось ему... Ничего не понимаю!

Пробило часъ.

Сергѣй Ипполитовичъ началъ серьезно безпокоиться и рѣшилъ уже ѣхать къ «maman», какъ въ передней раздался сильный звонокъ, смѣхъ, громкіе голоса... и въ комнату влетѣла Ниночка, раскраснѣвшаяся, съ блистающими глазками, съ растрепавшимися волосиками и какимъ-то уже черезчуръ смѣшнымъ смѣхомъ. За нею слѣдовалъ Савицкій съ посоловѣвшими глазами.

— Сергѣй, ты дома!!—вырвалось у него.

— Ахъ, Сергѣй Ипполитовичъ, возвратились...—попробовала она бравировать, но голосокъ дрогнулъ и щечки поблѣднѣли.

— Ну да, дома. Что же тутъ удивительнаго? Гдѣ это вы-то были?

— А гдѣ же княгиня, позвольте узнать? или вы ее оставили въ Черномъ морѣ, въ этомъ, какъ онъ, Елисаветградѣ или Екатеринбургѣ что-ли, съ кубанскими казаками... какъ-же вы это ее такъ бросили... раздумали?—начала ехидствовать Нина Юрьевна, нѣсколько прійдя въ себя, почувствовавъ приливъ давнишней злобы.

— Что за чепуха? Какая княгиня, какой Екатеринбургъ!? Ничего въ толкъ не возьму... Да что съ тобою, Нина, ты такъ взволнована? Всеволодъ, да объясни, что за гапиматья?

— Да... право, я уже самъ не понимаю. Вышла тутъ, кажется, „кипрока“ какая-то. Зачѣмъ тебя въ Екатеринодаръ понесло?

— Въ какой Екатеринодаръ? Да что все это, наконецъ, значитъ!?

— А то значитъ, сударь, что вы думали, что мною можно играть, какъ игрушкой, бросить меня, покинуть, оттолкнуть какъ надоѣвшую собаченку, для какой-нибудь восточной маркизы, принцессы, герцогини, какой-нибудь Adse, съ нею въ Крымъ, въ Ливадію ѣздить... Вы думали, что жена будетъ уничтожена, разбита, въ отчаяніи... вы ошиблись, Сергѣй Ипполитовичъ, вы забыли, что во мнѣ гетманская кровь... Я и сама съ Савицкимъ обѣдать поѣхала и... и ужинала у Бореля и вино пила... да, пила! Oeil de perdrix пила! И веселилась, и смѣялась...—говорила Ниночка, а къ горлышку такъ и приступали рыданія.

— Почему тебя такъ удивляетъ счетъ.

— Да если бы я знала, что тебя можно такъ нагло обманывать—я бы тебѣ давнымъ давно дюжину роговъ понаставила бы!

— Нина, Нинушка, успокойся, дорогая моя, ты внѣ себя...—бросился къ ней Сергѣй,—ты больна, положительно больна... А, хоть убей, ничего не понимаю! Да объясни-же мнѣ, бегемотина, хоть ты толкомъ, въ чемъ дѣло?

— Да ты же вѣдь телеграфировалъ, что уѣзжаешь совсѣмъ въ Кубань, съ княгинею Черчушадзе... писалъ, что не возвратишься болѣе и все такое...

— Нѣтъ, это уже сверхъ силъ! Въ Кубань я, я? съ княгинею? Да княгиня уже три мѣсяца какъ въ Эмсѣ. Я, я писалъ это? Когда, гдѣ, кому?!!

Вмѣсто отвѣта Ниночка протянула ему уже совершенно скомканный листокъ телеграммы.

— Да пустяки это! Скотина телеграфистъ перевралъ! Въ Кубань! Не въ Кубань, а въ Любань, въ Любань, поймите меня, я ѣздилъ! Сегодня я получилъ отъ генерала Болотова извѣстіе, что онъ согласенъ продать свою дачу подъ Любанью, которая тебѣ, Ниночка, такъ нравилась, но что къ вечеру я долженъ дать отвѣтъ. Я и рѣшилъ ѣхать лично, поѣхалъ и окончилъ дѣло... А телеграфистъ перевралъ по обыкновенію...

Ниночка, рыдая, висѣла у него на шеѣ, спрятавъ кудрявую головку у него на груди и поблѣднѣвшими губками шептала:

— Сережа, голубчикъ Сережа убей ты этого телеграфиста!

Савицкій испарился...

Евгеній.

ВЪ ОПЕРЕТКѢ.

— Давай похлопаемъ Энской.

— Да вѣдь она сегодня не поетъ, а сидитъ въ ложѣ.

— Вотъ за это и похлопаемъ!

— Мужъ требуетъ, чтобы я перемѣнила шляпку!..

— И ты на это согласишься?

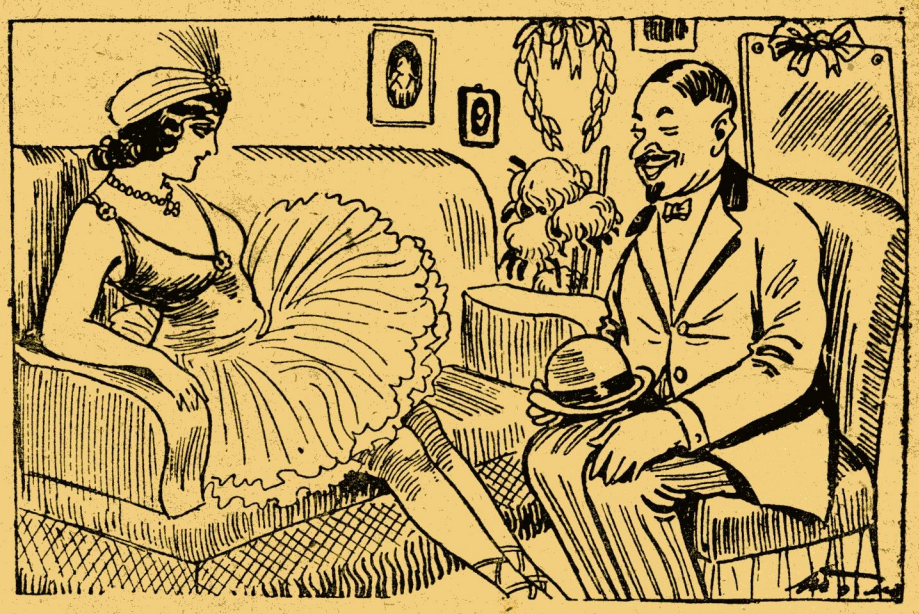
— Ну, нѣтъ, я ужъ тогда скорѣе перемѣню мужа!

Бытовое.

«Красавица всего міра и его окрестностей, любимица публики (имя рекъ), ѣдетъ на войну въ качествѣ сестры милосердія Болѣзнь, однако»..

Артистка Зарайская, милостью Рока,
Въ ту среду поѣдетъ далеко-далеко,
Туда на Карпаты, влекома судьбой,
Сестрой милосердія,—прямо на бой.
Артистка Зарайская грустью томится.
Ее убиваетъ шальная столица.
Весь день телефонъ... Телеграммы летятъ...
Въ гостиной безъ малаго tout Petrograd.
Пажи. лицеисты, мышиный жеребчикъ...
На доброй сестрицѣ холосенькій чепчикъ...
Передничекъ бѣлый... Въ очахъ ея грусть...
Военный стишокъ на устахъ (наизусть).
На столикѣ розъ ароматъ предразсвѣтный.,
На столикѣ возъ вермишели газетной.
Въ газетахъ замѣтка... Въ замѣткѣ порывъ,
Въ порывѣ печаль, а въ печали—надрывъ.
«На-дняхъ изъ гнѣзда на Б. Караванной
Поѣдетъ въ ту среду за славою бранной,
Рѣшивша просить для родины «Паркъ»,
ртиска Зарайская, русская Д'Аркъ.
Прощайте. страдалица, солнышко наше!
Вернитесь скорѣе бодрѣе и краше!
Да минетъ васъ смерть, и раненья, и плѣнъ!
Прощайте великая» (Подпись: «N. N.»)
Дыханіе смерти разлито въ гостиной.
Душа умиляется дивной картиной.
Тоскуютъ поклонники, грустно твердятъ:
— Она уѣзжаетъ къ проходамъ Карпатъ...
Молва по столицѣ бѣжитъ не смолкая.
—Слыхали, конечно, вы,—новость такая!
Зарайская ѣдетъ, какъ русская Д'Аркъ...
Сегодня съ вѣнками поѣдемте въ «Паркъ».

Курсистки...банкиры...спортсмэны...
студенты...
Восторги... Записочки... Апплодисменты...
Цвѣты... подношенья... Надъ кассой аншлагъ...
Въ уборной «Кристаль», а къ нему квардакъ.
Вокзалъ провожаетъ великую диву,—
Буквально тамъ негдѣ упасть черносливу.
Зарайскую взяли поклонники въ плѣнъ,
Чего такъ боялся оплаченный «N».
Зарайская ѣдетъ.—Прощайте, родная!..
Зарайская плачетъ!..— Ахъ, Боже, одна я!..
Зарайская стонетъ... — Измучили, ф-ффу!..
Зарайская «на зиму» ѣдетъ въ Уфу...



— О, я бы теперь безумно хотѣлъ мчаться за вами въ поѣздѣ и вотъ въ эту минуту очутиться въ туннелѣ!
— Ваше желаніе вполнѣ осуществимо!
— Какъ?
— Мы можемъ потушить электричество!

СЕЗОНЪ.

Гдѣ вы были, гдѣ лѣчились,
Всѣ вы, чахлый и больной,
И откуда появились,
Уѣзжавшіе весной?
Что несетъ васъ въ наши ямы,
Гдѣ самъ дьяволъ правитъ балъ,
Или этой панорамы
Ты, самарецъ, не видалъ?
Дождикъ, пыль, панели дыры...
... Проситъ кушать размазню
Нашей «Сѣверной Пальмиры»
Вѣковѣчное меню.
Здѣсь, подъ гнетомъ непогоды,
Неблаженная страна:
Дымно-сѣры неба своды,
Жизнь уныла и мрачна,
Тусклы взоры, тупы уши,
И одно у всѣхъ въ устахъ:
«Эхъ, уѣхать бы въ Тетюши,
Одичавши въ Озеркахъ!»
«Какъ корнетъ изъ гауптвахты,
Поскакалъ бы я въ галопъ
Изъ проклятой тинной Лахты
Въ милый славный Конотопъ».
«Я оттуда, гдѣ скучаютъ
Пыльной Ялты берега».
«Я съ Оки, гдѣ исчезаютъ
Въ лапахъ банковскихъ луга».
Эхъ, въ тиши ли тамъ, во громѣ ль
Не сбѣжишь отъ «русскихъ» лицъ:
Тутъ, извольте, Гомель-Гомель
Тамъ, извольте, Біарритъ.
Что въ журналахъ? Что въ «Паласѣ»?
Подъ цензурой ходитъ «День»?
Ну, а въ «Новомъ васъ-истъ-дасѣ»,
Какъ и прежде, дребедень?
Что за гвоздь намѣченъ въ «Буффѣ»?
Есть ли свѣженькій скандалъ,
Что Потапенко въ Гурзуфѣ
Про поповенъ написалъ?
... Книги... сплетни... злыдни... пьесы..
Банки... кражи, да обманъ...
Сплинъ, да скука прѣсной прессы...
Скука, дождикъ и туманъ...

Дрызгунова Сыновья.

— Скажите, какъ это Мифасолевъ можетъ писать музыкальныя рецензіи, когда онъ глухъ на оба уха?
— Онъ такъ и пишетъ, что его никто не понимаетъ.

КАЧЕЛИ.

Качели! Какъ она прекрасна.
Какъ сладко съ нею мнѣ вдвоемъ!
Качели! Поцѣлуи страстно
Безъ счета мы другъ другу шлемъ.

Качели! Каждое движенье
Полно истомы... Ароматъ
Атласной кожи—упоенье!..
Ловлю во мракѣ нѣги взглядъ.

Качели! Мы подъ облаками,
Весь міръ лежитъ у нашихъ ногъ!..
Качели! Жаркими руками
Меня обнявъ, мнѣ шепчетъ: «богъ!»

Качели! Каждое движенье:
Впередъ—назадъ! Впередъ—назадъ.
Качели! О я, безъ сомнѣнья,
И либералъ и ретроградъ.

Ясновидящій.

Свадьба.

(Картинка).

Рѣдкое зрѣлище.

У подъѣзда дома свадебная карета, обитая внутри бѣлымъ шелкомъ, съ фантастическимъ гербомъ на дверцахъ. На козлахъ кучеръ съ традиціоннымъ краснымъ платкомъ, торчащимъ изъ пазухи. Дверь подъѣзда раскрыта настежь, на порогѣ важно дежуритъ каретный лакей въ ливреѣ и въ цилиндрѣ съ позументомъ. На панели толпа любопытныхъ ждетъ появленія невѣсты.

— Родители-то ейные кто будутъ?

— Отецъ изъ купцовъ: въ Никольскомъ рынкѣ старымъ желѣзомъ торгуетъ.

— Богатъ?

— Два раза неосторожнымъ несостоятельнымъ объявлялся.

— Ого! Значитъ, большія деньги даетъ за дочерью?

— Восемь тысячъ.

— Наличными?

— А то векселями? Нонѣ дураки-то вывелись. Человѣкъ два раза не платилъ, а вы хотите, чтобы дочь въ кредитъ замужъ вышла?

— Вотъ этого лакея, который въ дверяхъ, я хорошо знаю: онъ въ похоронныхъ процессахъ въ первой парѣ ходитъ.

— Что-же это онъ: то на похоронахъ, то на свадьбахъ?

— Такое его занятіе, но только на похоронахъ онъ носъ внизъ вѣшаетъ, а на свадьбахъ онъ носъ вверхъ деретъ.

— Все надо умѣть; пусти тебя на его мѣсто, такъ ты въ похоронномъ процессѣ зубы скалить будешь, а на свадебной каретѣ плакать.

— Зачѣмъ мнѣ это, ежели я на рояльной фабрикѣ въ краснодеревцахъ и получаю семь рублей въ день, а хозяйской политурой хоть обожрись!

— А кто онъ?

— Женихъ? Въ Сытномъ мебелью торгуетъ.

— Охъ, будь ему пусто!

— За что?

— Я вотъ, женимшись, получилъ въ приданое обстановку, а куплена была обстановка въ Сытномъ и притомъ не подержанная, а новая и вотъ весь медовый мѣсяцъ эта обстановка стрѣляла,—трескалась. Честное слово, только это поцѣлуешь молодую въ лобъ и возьмешь ее за талью, вдругъ шкафъ одежный на самомъ любопытномъ мѣстѣ «бацъ!» А то комодъ «тррахъ!». До того меня эти салюты довели, что я даже съ докторомъ по нервной части совѣтовался.

— А потомъ?

— Обвыкся; хоть изъ пушки!

— Себѣ мебельщикъ такую обстановку не поставитъ для медоваго мѣсяца.

— Много ему лѣтъ?

— Вдовый, пятый десятокъ.

— А насчетъ повинности?

— Бѣлобилетный.

— По какому пункту?

— Ноги, какъ турецкія сабли, и кадыкъ въ полтора фунта.

— Такъ вѣдь и она прихрамываетъ.

— Вотъ отецъ-то и положилъ ей подъ короткую ногу восемь тысячъ, чтобы не прихрамывала.

— Ежели пятисотенными, то двистительно только прихрамываетъ, а ежели рублями, такъ у ей одной ноги почти нѣтъ.

— Кучеръ, чортъ, дрыхнетъ!

— Видно, хватилъ. Лошади-то чистокровные одры.

— Коночныя!

— Или подъ попонами ходили; маршрутъ извѣстный: до Волкова кладбища безъ пересадки.

— По седьмому разряду?

— По шестому, а по седьмому покойничекъ самъ идетъ на кладбище, несетъ на головѣ гробъ, потомъ у могилки ложится въ гробъ и кричитъ нищему: «Эй, почтенный, спихни меня ногой!»

— Въ нашемъ домѣ гробовщикъ живетъ, такъ онъ въ прошломъ мѣсяцѣ на собственныхъ дрогахъ рояль съ дачи на зимнюю квартиру перевозилъ. Что-же вы думаете: прохожіе глаза протирали; кто говорилъ, что китайца хоронятъ, кто говорилъ, что арапа изъ дикой Австраліи.

— Бросьте объ этомъ, давайте лучше говорить что-нибудь веселое. Правда, что невѣстина мать въ тюрьмѣ сидитъ?

— Сидѣла, а счасъ выпущена.

— За что же это ее?

— За покупку краденыхъ кастрюль.

— А чѣмъ она виновата: на лбу у человѣка не написано, свое онъ продаетъ или чужое.

— Мы и не винимъ.

— Балъ будетъ?

— Обѣдъ на двадцать человѣкъ заказанъ у кухмистера.

— Ну, а насчетъ выпивочки?

— Отецъ невѣсты два дня по докторамъ бѣгалъ, шестьсотъ граммовъ досталъ.

— Три бутылки выйдутъ.

— О, Господи, какой нонѣ народъ образованный пошелъ: давно-ли онъ имѣлъ понятія только о «мерзавчикахъ», а теперь знаетъ, что такое граммы!

— Нонѣ всѣ пьющіе «граммотны».

— Ну, а музыка будетъ?

— Гдѣ же вы достали эту прелесть—рафинадъ!
— У ювелира-съ!

— Какъ! Я узнаю, что ты завелъ себѣ содержанку.

— Но, милочка, каждый мародеръ долженъ имѣть содержанку. Такъ принято. Да ты успокойся—это содержанка «платоническая»—я только ей плачу, но ничего отъ нея не получаю!

— Оркестръ въ восемь человѣкъ отъ кухмистера.

— Мало!

— А вамъ сорокъ лошадей и восемь человѣкъ? Нонѣ музыканты-то кусаются: меньше, чѣмъ за пять рублей ни одинъ не идетъ.

— Въ прошломъ году кухмистеръ одинъ съ Забалканскаго сдалъ по ошибкѣ помѣщеніе свое въ одинъ день подъ поминки и подъ еврейскую свадьбу. Господи, что скандала было: молодыхъ встрѣтилъ офиціантъ съ кутьей, а вдову музыканты персицскимъ маршемъ!

— Это кто изъ подъѣзда вышелъ?

— Парикмахеръ.

— Невѣстѣ голову убралъ?

— Невѣстѣ, матери и двумъ шаферицамъ, всего четыре головы.

— Почемъ съ головы?

— Оптомъ убралъ за пять рублей.

— Это недорого, особливо ежели со своими цвѣтами.

— Дѣло не въ цвѣтахъ, а въ прочности: вѣдь завтра молодая поѣдетъ съ мужемъ по визитамъ.

— Я тоже на другой день послѣ свадьбы по визитамъ съ мужемъ ѣздила, но только мы на пятомъ визитѣ въ участокъ попали: навизитился мужъ-то, ну и пригласили.

— Нонѣ больше изъ-подъ вѣнца на вокзалъ ѣдутъ, въ турну.

— За границу нельзя.

— Можно въ Сестрорѣцкъ, а то въ Иматру, а то въ Колпино!

— Что вы въ Колпинѣ забыли?

— Постойте: ведутъ, ведутъ невѣсту! Отступитесь маленько.—Господи, какая она блѣдная!

— Въ первый разъ.

— Кто знаетъ, можетъ и въ послѣдній: у каждаго на роду своя хиромантія. У ларешника отъ Тучкова моста жена въ день свадьбы долго жить заказала.

— Лакей, толкните кучера: ишь, идолъ, ханжи нанюхался!

— Нашатыремъ-бы ему въ носъ...

— Проснулся... Поѣхали!

— Да ей Богъ счастья, кромѣ осетра и стерляди!

Зрячій.

ТЫЛОВЫЯ ЗООЛОГІЯ.

Спекулянтъ.

Фальшивая тревога.

— Такъ слушай-же, милый, непремѣнно сдѣлай визитъ этому молодому человѣку... Иванову,—не забудь!—говорила юркая молодая женщина, завязывая мужу галстухъ и отправляя его съ визитами.

— Ахъ, матушка, запиши хоть адресъ, а то, ей-Богу, голова кругомъ идетъ съ этими визитами!

— Да рядомъ съ Дергачевыми, вѣдь у нихъ будешь-же: ихъ № дома 32, а этотъ, значитъ, 30-й... спросишь тамъ у дворника... Ивановъ... Александръ Ивановичъ.. Ахъ, нѣтъ, виновата... Иванъ Александровичъ... Будь съ нимъ полюбезнѣе...

— Да ужъ ладно... ладно!

— Ну, до свиданія, миленокъ... не опоздай къ обѣду... ровно въ 5!

— Легко это сказать, не опоздай!..—ворчалъ супругъ уже въ прихожей, надѣвая калоши.

Проводивъ мужа, молодая женщина, Леночка Пискарева, пошла въ гостиную, гдѣ въ креслѣ у окна сидѣла ея незамужняя сестра Милочка съ замѣчательно тонкой таліей и удивительными бѣлокурыми кудряшками на лбу.

— Ну, Милочка, скажи спасибо— убѣдила Васю сдѣлать визитъ Иванову! Пришлось немного преувеличить его любезность съ проводами со спектакля... соврала, что извозчиковъ не было... что онъ бѣгалъ чуть не за версту... что защитилъ отъ одного нахала... Ну, да не бѣда, лишь-бы познакомился, а тамъ уже твое дѣло! Помни одно, дружокъ: не надо медлить, не давай ему опомниться, кокетничай, завлекай, а то если начнется раздумье... колебанія, тогда кончено дѣло! Нѣтъ, нынѣшнихъ жениховъ надо накрывать сразу!

— Не безпокойся... я ужъ знаю!— заявила авторительно Милочка!— Онъ самъ только и ищетъ случая познакомиться... увѣрена, что даже и безъ визита Базиля онъ явился-бы сегодня или завтра. Тогда въ спектаклѣ, въ сценѣ объяснился... такъ глядѣлъ... такъ жалъ руки!

— Ну то-то же... А кстати, Вася сообщитъ, какъ онъ живетъ... какая обстановка.

— Положимъ, теперь судить нельзя... онъ самъ говорилъ, что его холостая квартира опротивѣла ему, неуютно, нѣтъ порядка... одинъ лакей, ну, что онъ смыслитъ...

— А у Иванова былъ?—накинулась жена.

— Былъ былъ... успокойся... дался вамъ этотъ Ивановъ!

— Ахъ, потомъ я тебѣ все объясню,—отвѣтила жена, подмигивая въ сторону Милочки.

— Значитъ, засталъ?—продолжала она.

— Какъ-же.. выпилъ стаканъ краснаго вина... поболтали.

— Благодарилъ его?

— Ну, гдѣ-же тутъ... былъ кое-кто... сказалъ такъ мелькомъ, что вотъ мои дамы съ большой симпатіей относятся къ вамъ по поводу спектакля... что-то вродѣ этого...

— Пьеръ приревновалъ меня къ лакею, а между тѣмъ приключеніе съ лакеемъ было не у меня, а у жены Пьера! Очень забавная исторія!

— Хорошенькая квартирка у него?

— Д-да... бель-этажъ... мебель, картины, вообще мило... горничная.. такой шикъ... расфуфырена!

— Горничная!—протянула Милочка,—а не лакей?

— Горничная такая шикарная, что лакею не уступитъ,—утѣшалъ Пискаревъ, понявъ по другому разочарованное восклицаніе свояченицы.

У Леночки тоже слегка вытянулось лицо.

—Что-же, много комнатъ? —спросила она, помолчавъ.

— Да что-же... я видѣлъ столовую, гостиную, дальше, вѣроятно, спальная... видѣлъ я—тамъ мелькнула женская фигура...

— Вотъ какъ,—протянула Леночка,—значитъ, женскій элементъ существуетъ.

— Вѣроятно, дѣтская еще,—продолжалъ невозмутимо хозяинъ,— потому что мнѣ на встрѣчу въ дверяхъ нянька съ бебешкой попалась.

— Ахъ, онъ противный,—вскрикнула, наконецъ, хозяйка,—а? Скажите, пожалуйста... за барышней ухаживать... холостая жизнь надоѣла... а у самого цѣлая семья на сторонѣ! Нѣтъ, каковъ, Мила... каковъ?!

Но Милочка уже всхлипывала, закрывшись платкомъ.

— Фу ты, ничего ни понимаю... развѣ онъ не женатъ? Да что съ вами, скажите на милость?—хлопалъ глазами изумленный хозяинъ, глядя попеременно то на жену, то на свояченицу.

— Да, какъ-же, помилуй... вѣдь онъ ухаживалъ за Милочкой... намекалъ... мы ждемъ предложенія, а у него цѣлая семья!

— Фью...—засвистѣлъ супругъ,— такъ вотъ оно что, такъ вотъ вы зачѣмъ меня посылали... ну, влопалъ-же я вашего жениха! Да вы не плачьте, сестренка, ужъ коли онъ жениться задумалъ, такъ это все по боку... все прежнее броситъ... обезпечитъ наконецъ...

— Нѣтъ, ужъ покорно благодарю,—нервно взвизгнула Милочка,— будетъ ей квартиру нанимать... изъ моего приданаго... дѣти тамъ... Ну, ужъ и поговорю я съ нимъ теперь!.. Ахъ, батюшки, неугодно-ли... полюбуйтесь... самъ явился... не замедлилъ визитъ отдать! Нѣтъ, каково нахальство,—говорила Милочка, глядя въ окно, выходившее рядомъ съ подъѣздомъ, передъ которымъ стояли сани и молодой человѣкъ, сидѣвшій въ нихъ, направился въ подъѣздъ.

— Не принимать его, разумѣется!—негодующе заявила хозяйка.

— Напротивъ, принять непремѣнно и будь съ нимъ любезна, а я ужъ поведу его!—говорила озлобленная барышня, торопливо обмахивая платкомъ разгоряченное личико.

— Примите, Катя,—крикнула она горничной, появившейся на звонокъ.

Въ гостиную входитъ молодой человѣкъ, съ немного робкимъ и сконфуженнымъ видомъ. Хозяинъ дома смотрѣлъ въ его сторону.

— Представь-же,—шепнулъ, наконецъ, Пискаревъ женѣ

МОЗАИКА.

— Недурно было бы поужинать.

— Ахъ, если бы даже можно было дурно поужинать—я считала бы себя счастливой!

— Отчего же ты не хочешь меня впустить. Вѣдь я твой мужъ.

— Вы такъ долго были въ отъѣздѣ, что я уже завела себѣ замѣстителя. Говорите тише, а то онъ проснется и спуститъ васъ съ лѣстницы.

Та въ свою очередь вытаращила глаза на мужа.

— Вы же знакомы...—прошептала она.

— Не имѣю удовольствія,—проговорили въ одинъ голосъ оба.

— Мой мужъ...

— Александръ Ивановичъ Ивановъ,—рекомендовался гость.

— Кому же я коли такъ визитъ-то сейчасъ дѣлалъ?—изумился добродушно хозяинъ: — Васильевскій Островъ 14 линія, домъ 141, бельэтажъ; развѣ не вамъ, да нѣтъ, чортъ возьми, не вамъ, тотъ толстый, черный.

— Ахъ, это вы были, значитъ, у Ивана Александровича Александрова... а я этажемъ выше!

Вотъ такъ штука!—залился добродушнымъ хохотомъ Пискаревъ,—вотъ курьезъ-то, батенька, вышелъ...—но жена дернула его поспѣшно за рукавъ.

— Ну вотъ, за то, что ты пилъ вино съ незнакомымъ, зови Александра Ивановича обѣдать и угощай хорошенько,—заявила, вся сіяя она.

— Какъ-же... Иванъ Александровичъ, онъ вѣдь тоже нашъ... любитель... вѣдь вы его знаете, Людмила Михайловна, режиссеромъ онъ у насъ, жена его тоже играетъ.

— Какъ-же, какъ-же,—кивала весело головой Милочка, — знаю. Ахъ, Базиль, какъ вы непростительно разсѣяны однако!

— Да ужъ могу сказать!—поддержала сестру Леночка.

— Ну, ужъ матушка, съ вашими порученіями голова кругомъ идетъ!

Всѣ весело направились въ столовую.

ПРИВЫЧКА.

— Змѣя,—шипѣла разсерженная женщина,—аспидъ! Негодяй, подлецъ! Мошенникъ!

Ласково улыбаясь, мужъ скрутилъ папироску и началъ закуривать ее.

— Лгунъ,—кричала жена, сверкая глазами,—разбойникъ!

— Продолжай—произнесъ мужъ, раскуривая папироску,—продолжай! Это напоминаетъ мнѣ невозвратные дни юности, когда я былъ еще въ гимназіи и мы переругивались отъ нечего дѣлать!

Жена безсильно опустилась въ кресло, сознавая полную невозможность вывести мужа изъ терпѣнія.

ПЛОХАЯ СИЛА.

— Говорятъ, что знаніе великая сила.

— А развѣ нѣтъ?

— Помилуйте, какая же сила... Вотъ я—профессоръ, человѣкъ ученый, обладаю обширными знаніями, а не могу осилить жену, чтобы заставить ее не быть вѣтренной!

КАРПЪ РЫБА.

(Съ испанскаго).

Однажды жилъ на свѣтѣ человѣкъ, по имени Барбазонъ; онъ былъ глупъ, какъ гусь, и имѣлъ красавицу-дочь, которую звали Белла. У Беллы имѣлся возлюбленный, нѣкто Жильтенъ, о которомъ Барбазонъ не хотѣлъ и слышать! Барбазонъ былъ важной персоной въ округѣ Трепиньи и занимался тѣмъ, что преслѣдовалъ вездѣ, гдѣ только могъ, возлюбленнаго своей дочери и поджидалъ визита губернатора г. маркиза Радинуаръ, который хотѣлъ побывать въ округѣ. Въ одинъ прекрасный день, Барбазонъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что маркизъ пріѣдетъ черезъ два дня.

Нужно было угодить маркизу. Барбазонъ успѣлъ освѣдомиться о вкусахъ и привычкахъ благороднаго маркиза и зналъ, что маркизъ суевѣренъ и очень любитъ рыбу, такъ какъ одинъ продавецъ амулетовъ увѣрилъ его, что рыба способствуетъ долголѣтію, и что тотъ, кто питается обыкновенно рыбой, можетъ дожить до ста лѣтъ.

Къ несчастью, въ округѣ не было рѣки, и рыбы достать было трудно.

Губернаторъ, кромѣ того, какъ человѣкъ хорошо воспитанный и съ твердыми принципами, сохранилъ въ чистотѣ всѣ суевѣрія своихъ предковъ; вѣрилъ въ волшебницъ, въ колдуновъ и т.д.

Барбазонъ призвалъ къ себѣ одного браконьера, по имени Педрилло, и сказалъ ему:

— Педрилло, ты знаешь, что давно заслуживаешь быть повѣшеннымъ?

— Кто это говоритъ?—освѣдомился Педрилло.

— Я, Барбазонъ! Но, слушай, я—добрый человѣкъ и не особенно мучаю тебя! Ты долженъ теперь доказать мнѣ свою благодарность... Мнѣ нужна рыба-карпъ, чтобы угостить г-на губернатора... Но понимаешь? Карпъ долженъ быть огромный и необыкновенный!

— Ладно!

— Даю тебѣ срокъ до завтра! Дѣлай, какъ знаешь! Но если ты не достанешь мнѣ карпа, я могу разсердиться и повѣсить тебя!

На другое утро Педрилло явился къ Барбазону.

— Сударь,—произнесъ онъ,—я всю ночь ловилъ рыбу въ прудѣ и поймалъ карпа!

Съ этими словами онъ открылъ корзинку и показалъ великолѣпнаго карпа, который еще трепеталъ, среди мокрой травы...

— О, небо!—вскричалъ Барбазонъ,—желаніе мое исполнилось!

Онъ позвалъ жену, дочь, Беллу, и старую служанку, Веронику, и показалъ имъ рыбу.

— Мы его такъ приготовимъ,—сказала Вероника,—что губернаторъ пальчики оближетъ!

— Карпъ еще живъ,—замѣтилъ Барбазонъ,—а губернаторъ пріѣдетъ только завтра! Надо опустить рыбу въ бассейнъ, въ саду... Она будетъ совсѣмъ свѣжей!

Сказано—сдѣлано! Карпа опустили въ бассейнъ, и Барбазонъ сказалъ Педрилло:

— Я очень благодаренъ тебѣ и не только не думаю повѣсить тебя, а хочу дать тебѣ денегъ! Ахъ, если бы у меня былъ еще одинъ такой карпъ!—добавилъ онъ со вздохомъ.

Эти слова не пропали даромъ. Педрилло слышалъ ихъ. Онъ всталъ рано утромъ, взялъ свою корзину и черезъ заборъ перелѣзъ въ садъ Барбазона. Въ домѣ всѣ еще спали. Педрилло спустился въ бассейнъ и взялъ карпа.

Черезъ часъ онъ стучалъ уже въ дверь Барбазона. Вероника открыла дверь и, узнавъ въ чемъ дѣло, побѣжала разбудить хозяина.

— Проснитесь, сударь, проснитесь! Педрилло принесъ вамъ второго карпа!

Барбазонъ соскочилъ съ постели, поспѣшно одѣлся.

— Два карпа! Это—милость неба!—вскричалъ онъ.—Я поставлю свѣчу! Г. маркизъ будетъ очень доволенъ! Отъ радости у меня начинаются колики! Надо, чтобы Вероника приготовила мнѣ чашку липоваго цвѣта!

Онъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ собралась вся семья.

— Этотъ карпъ больше перваго!—сказала г-жа Барбазонъ.

— Я тоже думаю,—отвѣтилъ Барбазонъ,—онъ и вѣситъ больше. Какъ вы его приготовите?

— Не безпокойтесь, самымъ лучшимъ образомъ!—отвѣтила Вероника.

Второго карпа также опустили въ бассейнъ.

Барбазонъ сказалъ Педрилло:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ,

(тринадцатый годъ изданія),

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЕГКАГО ЖАНРА

„ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ"

Въ журналъ печатаются пикантные разсказы и фельетоны легкаго жанра лучшихъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, румынскихъ, бельгійскихъ, американскихъ, испанскихъ, голландскихъ, шведскихъ и норвежскихъ авторовъ-юмористовъ. Весь матерьялъ журнала посвященъ современной женщинѣ и ея очаровательнымъ достоинствамъ и недостаткамъ.

Особенное вниманіе обращено на художественную сторону изданія.

Не менѣе 30 рис. и карикатуръ въ каждомъ номерѣ въ многокрас. обложкахъ.

Подписная цѣна съ пересылкой по всей Россіи: на 1 годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 руб. 50 к.

Розничная продажа №№ журнала производится во всѣхъ кіоскахъ столицъ и провинціи, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ пристаняхъ и у газетчиковъ—по 15 коп. за номеръ.

Главная контора журнала **„Всемірный Юморъ" Петроградъ, 7-ая Рождественская, 30.**

— Другъ мой! Ты заслуживаешь награды: вотъ тебѣ два экю! Откажись отъ браконьерства, сдѣлайся честнымъ человѣкомъ, и всѣ будутъ уважать тебя!

Въ это время пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что губернатора задержали дѣла, и онъ пріѣдетъ только послѣ завтра!

Педрилло вернулся домой очень довольный и на другой день опять досталъ карпа изъ бассейна и явился къ Барбазону.

Барбазонъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости, громко вскрикнулъ... Пришлось натирать ему виски уксусомъ.

— Я умру, право, умру!—кричалъ онъ,—этотъ карпъ больше и тяжелѣе двухъ первыхъ!

— Сударь,—сказала Вероника,—я приготовлю три рыбныя блюда... Уху изъ карпа, карпъ подъ соусомъ матло, и карпъ подъ бѣлымъ соусомъ!

—

Педрилло сидѣлъ дома и подбрасывалъ въ рукѣ полученныя деньги. Онъ занимался этимъ около часу, а потомъ принялся размышлять.

— Чортъ возьми! Что это за штука—карпъ, если старый дуракъ платитъ за нее такія деньги! Не попробовать ли мнѣ?

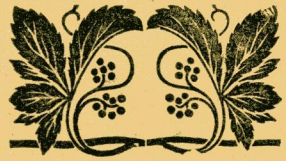
На другой день, едва начало свѣтать, въ мѣстечкѣ появился всадникъ, возвѣстившій, что губернаторъ уже близко и скоро пріѣдетъ...

Барбазонъ бросился въ кухню, гдѣ Вероника чистила лукъ для соуса.

— Скорѣе, скорѣе—вскричалъ онъ,—губернаторъ сейчасъ пріѣдетъ... Пойдемъ за рыбой!

Всѣ отправились къ бассейну. Каковъ же былъ ужасъ и изумленіе Барбазона, когда бассейнъ оказался необитаемымъ, и никакого карпа тамъ не было! Онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, ругался, выдиралъ послѣдніе волосы изъ головы... На его крикъ сбѣжался весь домъ. Барбазона пришлось отпаивать водой...

А Педрилло сидѣлъ дома и спокойно ѣлъ жаренаго карпа..



1917

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ, НА СТАРѢЙШІЙ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ КРАСКАХЪ СО МНОЖЕСТВОМЪ

42-й годъ изданія.

КАРРИКАТУРЪ НА ЗЛОБУ ДНЯ

СТРЕКОЗА

(41 годъ безпрерывнаго существованія).

Девизъ „Стрекозы" въ 1917 г.—Долой мародеровъ!

Беззащитный обыватель, котораго среди бѣла дня нагло обираютъ мародеры и спекулянты, лавочники, домовладѣльцы и прочіе тыловые разбойники—подписавшись на „СТРЕКОЗУ", найдетъ въ ней веселаго и вдохновеннаго защитника своихъ попранныхъ правъ.

Для мародеровъ „СТРЕКОЗА"—безпощадный обвинитель и, по увѣренію многихъ, изъ этихъ „рыцарей тыла", страшнѣе любого прокурора и даже губернаторовъ и градоначальниковъ, ибо долбитъ ихъ своимъ злымъ смѣхомъ неустанно каждую недѣлю, т. е.

52 раза въ годъ.

Помимо этой главной задачи журнала въ 1917 году—„СТРЕКОЗА" будетъ попрежнему развлекать своихъ, лишенныхъ сахара, мяса и дровъ, читателей, стараясь, по мѣрѣ силъ, своими улыбками замѣнить имъ предметы первой необходимости.

Доказано, что обыватель, пьющій чай со „СТРЕКОЗОЙ", совершенно не замѣчаетъ отсутствія на столѣ не только рафинада, но даже сахарнаго песку. Прочитавъ-же „СТРЕКОЗУ" въ мясопустный день, послѣ вегетарьянскаго обѣда,—обыватель начинаетъ себя чувствовать такъ, какъ чувствовалъ послѣ обильнаго обѣда въ доброе старое время, когда было всегда „мясо для всѣхъ", не говоря уже о веселящей живительной влагѣ.

Несмотря на отсутствіе жениховъ, подписчицы „СТРЕКОЗЫ", благодаря своему вѣчно-веселому и доброму настроенію, создаваемому и поддерживаемому нашимъ журналомъ—выходятъ замужъ не позже, чѣмъ черезъ три мѣсяца послѣ взноса подписныхъ денегъ.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ популярные юмористы: Сэръ Пичъ Бренди, Ясновидящій, Whist, Омега, Н. Агнивцевъ, И. Герсонъ, Сергѣй Михѣевъ, Саша Гретри, Евгеній Вѣнскій, Зрячій, Досужій, и мн. друг. Каррикатуристы журнала: А. Лебедевъ, Томъ, Аловъ и мн. др.

Кромѣ того, всѣ подписчики получатъ при первомъ №-рѣ журнала за 1917 годъ слѣдующія весьма цѣнныя, но, тѣмъ не менѣе

совершенно безплатныя преміи:

АЛЬМАНАХЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЮМОРИСТИКИ

„ЧЕМОДАНЪ СМѢХА"

содержащій въ себѣ множество разсказовъ и стих. лучшихъ русск. и иностранн. авторовъ.

ВЕСЕЛЫЯ МИНІАТЮРЫ 23 ПЬЕСКИ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ „СТРЕКОЗА"—могутъ получить его въ киоскахъ на всѣхъ станціяхъ желѣзн. дорогъ а также у газетчиковъ столицъ и провинціи—по 15 коп. за каждый №.

Подписная цѣна на журналъ „СТРЕКОЗА" со всѣми приложеніями, съ доставкой и пересылкой по всей Россіи:

На 1 годъ СЕМЬ рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ 1-му Мая остальные 3 руб.

Контора журнала „СТРЕКОЗА", ПЕТРОГРАДЪ, 7-я Рождественская, 30.

Редакторъ М. Архангельская. Типографія «СѢВЕРЪ», Петроградъ, Невскій, 140/2. Издатель И. Богельманъ.

ОНА.—Вы, кажется, минуты не можете прожить безъ сальности!?
ОНЪ.—Ничего удивтиельнаге, у моего отца салотопеный заводъ!

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи
И НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ
СЕНСАЦІОННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВ., ЮРИДИЧЕСКІЙ, ИСТОРИЧЕСКІЙ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ и ОБЩ.-САТИРИЧЕСКІЙ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ, со множествомъ иллюстрацій
„ПРЕСТУПЛЕНІЕ и НАКАЗАНІЕ“.
Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп.

НОВѢЙШІЙ
КАТАЛОГЪ КНИГЪ
высылает. всѣмъ желающимъ
БЕЗПЛАТНО.
Адресовать въ контору
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„20-й ВѢКЪ“
ПЕТРОГРАДЪ,
7-я Рождественская, 30.

УГРИ,
прыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна уничтож. БЕЗСЛѢДНО въ 1-2 недѣли МОИМЪ безвред. ДОМАШНИМЪ средствомъ. Большой флаконъ съ наставл., хватающ. на все время, высылаю немедл. наложн. плат. за 2р. 75 к. съ перес. и упаковк. Получила массу благодарн. со всѣхъ концовъ Россіи. Предлож. моему прошу вѣрить, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: Москва, Долгоруковская ул., д. № 11. кв. 9. Марія Е. Чурбанова.

Петроградъ. Дозволено Военной Цензурой 31 октября 1916 г.